

СОЛНЕЧНЫЙ РУБЕЖ: ПРОТОКОЛ ЭГИДА

ДМИТРИЙ ФОК

Дмитрий Фок

Солнечный рубеж: Протокол Эгида

<https://litres.ru/73887783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они уже идут к Солнечной системе.

Инженер Андрей Левин строит «Эгиду» — сеть орбитальных станций, которая должна стать щитом человечества перед лицом первой внеземной угрозы. Но времени всё меньше, ресурсов не хватает, а новые данные о чужих заставляют сомневаться в главном: действительно ли это вторжение — или человечество само стало для кого-то опасной аномалией?

Масштабная научная фантастика о первом контакте, космической обороне и человеке, которому предстоит построить невозможное.

Содержание

Глава 1. Утро инженера	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Фок

Солнечный рубеж: Протокол Эгида

Глава 1. Утро инженера

Будильник не звонил.

Андрей Левин просыпался сам — каждый день, в пять часов сорок минут по среднесолнечному времени, без исключений, без сбоев, без тех мучительных секунд между сном и явью, когда человек не помнит, кто он и зачем открывает глаза. Он просто переходил из одного состояния в другое, как переключается реле: был сон — стало бодрствование. Чисто, точно, без остатка.

Каюта на орбитальной верфи «Прометей-7» была невелика — двенадцать квадратных метров жилого пространства, стандарт для старшего инженерного состава. Стены из композитного сплава, покрытые тонким слоем биоактивного полимера, который менял оттенок в зависимости от времени суток: сейчас они были цвета предрассветного неба над Байкалом — того самого оттенка, который Андрей видел однажды, когда ему было двадцать три, и который почему-то запомнил на всю жизнь. Он запрограммировал этот цвет в си-

стему освещения каюты семь лет назад и ни разу не менял.

Койка — узкая, жёсткая, с ортопедическим матрасом, который давно пора было заменить, но Андрей не замечал этого. Небольшой рабочий стол, встроенный в стену, с голографическим проектором, который он использовал чаще, чем стандартный терминал. Шкаф с четырьмя комплектами одежды — два рабочих комбинезона, один парадный, один для сна. Полка с тремя бумажными книгами — настоящими, с пожелтевшими страницами и запахом старой целлюлозы. «Записки из подполья» Достоевского, «Солярис» Лема и сборник стихов Тарковского — не режиссёра, а его отца, поэта. Больше в каюте не было ничего личного.

Андрей сел на койке, опустил босые ноги на пол. Пол был тёплым — система жизнеобеспечения поддерживала двадцать два градуса, и покрытие всегда было на градус теплее воздуха. Маленькая деталь, которую он сам внёс в проект жилого модуля верфи четыре года назад, когда заметил, что техники жалуются на холодные полы в утренние часы. Никто не знал, что это была его идея. Он не стал никому говорить.

Он посмотрел в иллюминатор.

Земля висела внизу — огромная, сине-белая, невозможно красивая. Отсюда, с геостационарной орбиты, она выглядела так, словно кто-то нарисовал её акварелью по мокрой бумаге: размытые границы континентов, перламутровые разводы облачных систем, тёмная бирюза океанов. Терминатор — линия между днём и ночью — проходил сейчас через Индий-

ский океан, и на ночной стороне мерцали россыпи огней мегаполисов, похожие на нервные узлы гигантского организма.

Андрей смотрел на Землю каждое утро. Не потому, что это было ритуалом или привычкой. Просто каждый раз, когда он видел эту картину, он чувствовал что-то, чему не мог подобрать точного слова. Не восторг — слишком шумное слово. Не благоговение — слишком религиозное. Скорее, тихое узнавание. Как будто планета внизу и он сам были частями одного и того же процесса, и каждое утро он заново убеждался, что процесс продолжается.

Он встал, прошёл в санитарный блок, умылся. Зеркало показало ему лицо, которое он знал сорок лет: худое, с резкими скулами, с глубоко посаженными серыми глазами, с морщинами, которые появились рано и с тех пор почти не менялись, словно его лицо состарилось до определённой точки и решило остановиться. Тёмные волосы, коротко стриженные, с ранней сединой на висках. Нос с небольшой горбинкой — след перелома в юности, когда он упал с велосипеда на даче под Тулой. Тонкие губы, которые редко улыбались широко, но часто — едва заметно, одними уголками.

Он не был красив в общепринятом смысле. Но в его лице было что-то, что заставляло людей задерживать взгляд — какая-то собранность, внутренняя тишина, которая проступала через черты, как свет через матовое стекло.

Андрей оделся — рабочий комбинезон, серый с синими полосами инженерного отдела, — и вышел в коридор.

Верфь «Прометей-7» просыпалась. Коридоры жилого сектора были ещё полупустыми — большинство персонала начинало смену в семь, — но уже слышались голоса, шаги, гудение лифтовых систем. Андрей шёл к столовой, и по пути ему встретились трое.

Первым был Генрих Вальц, техник-монтажник из третьей бригады. Крупный, рыжеволосый немец с руками, которые казались созданными для того, чтобы держать сварочный аппарат. Он стоял у стены, уткнувшись в планшет, и его лицо выражало ту особую разновидность растерянности, которая бывает у людей, столкнувшихся с бюрократией.

— Доброе утро, Генрих, — сказал Андрей, не замедляя шага.

— А, Андрей Михайлович... — Вальц поднял голову. — Доброе. Хотя не очень доброе, если честно.

Андрей остановился. Он всегда останавливался, когда кто-то говорил «не очень доброе, если честно». Не потому, что считал это своей обязанностью. Просто останавливался.

— Что случилось?

— Да вот, — Вальц повернул планшет экраном к нему. — Отпуск мне зарубили. Третий раз. Я рапорт подавал ещё в марте, а они говорят — критический период, все отпуска заморожены до завершения фазы «Дельта». А у меня жена на Марсе рождает через два месяца. Второй ребёнок. Я первого-то видел только по видеосвязи первые полгода...

Андрей посмотрел на экран планшета. Стандартная фор-

ма отказа, подписанная заместителем начальника кадровой службы. Формулировка: «В связи с повышенной оперативной нагрузкой и необходимостью обеспечения непрерывности производственного цикла...»

— Кто подписал? Кравцова?

— Она самая.

— Я поговорю с ней.

— Андрей Михайлович, вы и так... Я не хочу, чтобы из-за меня...

— Генрих, — Андрей посмотрел ему в глаза. — Ты монтировал внешний каркас секции «Гамма-12» при температурном перепаде в сто восемьдесят градусов. Ты заслужил увидеть, как рождается твой ребёнок.

Вальц моргнул. Потом кивнул.

— Спасибо.

— Не за что. Пока ещё не за что — я только пообещал поговорить.

Андрей пошёл дальше. Он знал, что Кравцова послушает его. Не потому, что он был её начальником — формально он не имел отношения к кадровой службе. Но потому, что Андрей Левин обладал на верфи особым статусом, который не определялся должностной инструкцией. Люди слушали его, потому что он никогда не просил ничего для себя.

Второй встречей была Мэй Чжан, молодой инженер-программист, двадцати шести лет, тонкая, с короткой стрижкой и вечно уставшими глазами. Она сидела на скамье в рекреа-

ционной зоне коридора и смотрела в пустоту.

— Мэй.

Она вздрогнула.

— Андрей Михайлович. Простите, я задумалась.

— Ты не спала.

Это не было вопросом. Андрей видел: тени под глазами, микротремор пальцев, характерная бледность. Мэй не спала минимум тридцать часов.

— Я... нет. Не спала. Мне нужно было закончить модуль адаптивной маршрутизации для узла «Каппа». Сроки...

— Сроки подождут. Иди спать.

— Но Тадеуш Янович сказал...

— Я знаю, что сказал Тадеуш Янович. Я с ним поговорю. Иди спать, Мэй. Ошибка в коде адаптивной маршрутизации, допущенная из-за недосыпа, обойдётся нам дороже, чем сутки задержки.

Мэй посмотрела на него — с тем выражением, которое он видел на лицах людей десятки раз. Смесь благодарности и лёгкого недоумения: почему этот человек, у которого на плечах лежит проект планетарного масштаба, тратит время на то, чтобы отправить спать младшего программиста?

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Выспись. Потом поговорим о «Каппе». У меня есть идея, как упростить алгоритм.

Он пошёл дальше.

Третьей встречей был сам Тадеуш Янович Крейн.

Крейн стоял у панорамного окна обзорной галереи — того участка коридора, где внешняя стена была полностью прозрачной и открывала вид на строящуюся станцию. Он был высок, широкоплеч, с военной выправкой, которую не могли скрыть даже гражданские костюмы, которые он предпочитал. Седые волосы, аккуратно зачёсанные назад. Лицо — породистое, властное, с тяжёлой нижней челюстью и глазами цвета мокрого асфальта. Ему было пятьдесят семь, и он выглядел как человек, привыкший к тому, что мир подчиняется его решениям.

Тадеуш Крейн был генеральным директором корпорации «Гелиос Дефенс» — крупнейшего военно-промышленного объединения в истории человечества, созданного два года назад специальным решением Объединённого Совета Земли и Колоний для реализации проекта оборонительного контура Солнечной системы. До этого он командовал Третьим космическим флотом, участвовал в подавлении сепаратистского мятежа на Церере и руководил операцией по эвакуации исследовательской станции на Титане после катастрофического разлива криовулкана. Он был компетентен, решителен и абсолютно убеждён в том, что выживание человечества — вопрос силы, а не философии.

— Андрей, — сказал Крейн, не оборачиваясь. Он всегда знал, кто подходит, по звуку шагов. — Подойди. Посмотри на неё.

Андрей подошёл и посмотрел.

За прозрачной стеной, в чёрной пустоте, освещённая прожекторами верфи и отражённым светом Земли, висела станция.

Она была ещё не закончена — скелет из титано-вольфрамового сплава, опутанный паутиной коммуникационных линий, с зияющими провалами там, где ещё не были установлены бронепанели и оружейные модули. Но даже в этом незавершённом состоянии она поражала. Не размером — хотя размер был колоссальным: два километра в длину, полтора в ширину, с центральным ядром, похожим на сжатый кулак. Поражала она чем-то другим — ощущением неизбежности, которое исходило от её конструкции. Каждая линия, каждый узел, каждое сочленение говорило: я здесь для того, чтобы остаться. Я здесь для того, чтобы ничто не прошло.

Это была станция «Эгида-1» — первая из двенадцати, которые должны были образовать оборонительный контур Солнечной системы. Детище Андрея Левина. Его главное творение.

— Красивая, — сказал Крейн. — Каждый раз, когда я на неё смотрю, я думаю: вот что человечество может построить, когда перестаёт тратить время на ерунду.

— Она не красивая, — ответил Андрей. — Она функциональная. Красота — побочный эффект.

Крейн усмехнулся.

— Ты всегда так говоришь. И всегда проектируешь так, что хочется смотреть. Знаешь, в чём твоя проблема, Ан-

дрей? Ты гений, который стесняется своего творения.

— У меня нет проблем, Тадеуш Янович. У меня есть график, который отстаёт на одиннадцать дней.

— Вот об этом я и хотел поговорить.

Крейн повернулся к нему. Его глаза были серьёзны — не той показной серьёзностью, которую он демонстрировал на совещаниях, а настоящей, тяжёлой, как свинец.

— Совет собирается через три часа. Экстренное заседание. Закрытое. Будут только руководители проекта и представители военного командования.

— Новые данные?

— Новые данные.

Крейн помолчал. Потом сказал — тише, хотя в коридоре не было никого, кроме них:

— Зонд «Пионер-9» передал последний пакет данных перед уничтожением. Аналитики работали над ним три недели. Результаты... — он снова помолчал. — Результаты такие, что я впервые за тридцать лет военной службы не знаю, радоваться мне или бояться.

Андрей ждал. Он умел ждать. Это было одно из его качеств, которое раздражало нетерпеливых и успокаивало тревожных.

— Они ближе, чем мы думали, — сказал Крейн. — Намного ближе.

Андрей кивнул. Посмотрел на станцию за стеклом. На её

незавершённый скелет, на тёмные провалы, где должны были стоять щиты и орудия.

— Одиннадцать дней, — сказал он. — Мне нужно сократить отставание.

— Тебе нужно его ликвидировать.

— Это невозможно без увеличения смен.

— Значит, увеличим смены.

— Люди и так работают по двенадцать часов. Если увеличить до шестнадцати, через две недели начнутся ошибки. Через месяц — аварии. Через два — мы потеряем некоторых людей.

— Андрей...

— Я найду другой способ. Дай мне сутки.

Крейн посмотрел на него долгим взглядом. Потом кивнул.

— Сутки. На совете я скажу, что ты работаешь над оптимизацией графика.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто сделай.

Крейн ушёл. Андрей остался стоять у панорамного окна, глядя на станцию.

Он думал не о графике. Не о смещённых сроках, не о нехватке специалистов, не о логистических проблемах с доставкой композитных материалов с лунных заводов. Он думал о том, что Крейн сказал: «Они ближе, чем мы думали».

Они.

Слово, которое два года назад не имело никакого значе-

ния. Слово, которое теперь означало всё.

Андрей вспомнил тот день — двадцать шесть месяцев назад, — когда он впервые увидел записи с «Пионера-4». Он сидел в конференц-зале Женевского центра космических исследований, среди двухсот лучших учёных и инженеров планеты, и смотрел на экран, где разворачивалось нечто, к чему человечество готовилось тысячи лет и к чему оказалось абсолютно не готово.

Зонд «Пионер-4» был одним из серии автоматических межзвёздных разведчиков, запущенных в рамках программы «Горизонт». Оснащённый новейшим фотонным двигателем, он достиг окрестностей Проксимы Центавра за одиннадцать лет — рекорд, который казался невозможным ещё поколение назад. Его задачей было картографирование системы, поиск экзопланет и, в самых смелых мечтах, обнаружение признаков жизни.

Он нашёл больше, чем жизнь.

Запись длилась четыре минуты и семнадцать секунд — всё, что зонд успел передать, прежде чем замолчать навсегда. На ней было видно следующее:

Сначала — пустота. Обычная межзвёздная пустота, усеянная далёкими звёздами. Потом — движение. Что-то огромное, тёмное, проступающее из черноты, как проступает силуэт кита из глубины океана. Датчики зонда зафиксировали объект размером в семь километров — больше, чем любая орбитальная станция, когда-либо построенная чело-

вечеством. Объект не отражал свет — он поглощал его. Его поверхность была не гладкой и не угловатой, а... органической. Складки, борозды, выросты, похожие на щупальца или корни. Он выглядел так, словно кто-то вырастил космический корабль из живой ткани.

Потом появились другие. Два, пять, двенадцать — камеры зонда фиксировали всё новые объекты, выплывающие из темноты, как стая глубоководных существ. Они двигались синхронно, меняя формацию с пугающей слаженностью. Ни один из них не был похож на другой в деталях, но все они несли одну и ту же... сущность. Как деревья в лесу — разные, но безошибочно принадлежащие одному виду.

Последние двадцать секунд записи были самыми страшными. Один из объектов — ближайший — повернулся к зонду. Не всем телом, а частью: из его поверхности выдвинулось нечто, похожее на глаз или на раскрывающийся цветок. Датчики зафиксировали мощный электромагнитный импульс, направленный точно на зонд. Потом — вспышка. Потом — ничего.

В конференц-зале после просмотра стояла тишина. Андрей помнил эту тишину. Она была не такой, как обычная тишина в комнате, полной людей. Она была тяжёлой, физически ощутимой, как давление воды на глубине. Двести человек — лучшие умы цивилизации — сидели и молчали, потому что ни у кого не было слов для того, что они только что увидели.

Потом заговорил генерал Ковальски — тогдашний глава Объединённого космического командования. Он сказал: «Дамы и господа, мы больше не одиноки. И те, кого мы нашли, не рады нашему знакомству».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.